

жила. Многие из моих товарищей в школе были религиозно настроены. Школа была очень интернациональная, космополитичная: были турки, евреи, протестанты, католики, православные. И какое-то желание, инстинктивное, может быть, стать религиозным было постоянно.

Одним словом, я решил, что пора мне тоже переходить в католичество, и написал об этом моему отцу, который в это время был профессором в городе Павии. Я думал, что отец напишет: "Какая хорошая идея". Но вместо этого последовала телеграмма, письмо-экспресс, а потом еще два заказных письма, в которых он строго запрещал мне «переходить». Он редко мне что-то запрещал, а тут "я тебе запрещаю" было подчеркнуто, после чего следовало объяснение, что он сам решил сделать этот шаг и присоединиться к Католической Церкви, но думал об этом 30 лет. Ведь человек, делая это, каким-то образом осуждает свою страну. Как может мальчик 15-ти лет осуждать свою страну и вообще иметь такое нахальство, чтобы что-то решать? Пойди, пожалуйста, к отцу Симеону, настоятелю православной церкви, расскажи ему все и делай, как он прикажет. Причастись, если он позволит; если не позволит, то слушай, и чтобы никаких переходов. Я послушался.

— Вы пошли к отцу Симеону?

— Да, пошел к отцу Симеону. "Ах, — сказал он улыбаясь, — вот эти русские, до чего они только не додумаются!" Вообще он принял это не очень серьезно, не очень опечалился и сказал: "Ну, Боже мой, это пройдет". Наверное, подумал, что все это под влиянием отца, и допустил к причастию, никак не обижался. Мне хотелось причаститься, а тогда причаститься в Православной Церкви вне праздников не удавалось; и по праздникам я храбро выходил, когда выносили чашу, но смущался, что вся церковь смотрит на благочестивого мальчугана.

Через несколько месяцев после этого эпизода и суровых писем моего отца я заболел тяжелой формой туберкулеза и оказался в клинике в Швейцарии. Я снова начал думать, на этот раз более серьезно, о переходе и много читал Евангелие. И чтение Евангелия меня тоже убеждало в идее, что время пришло. И тогда я опять написал отцу: я чувствовал, что решительно нахожусь в опасности — физическое состояние было очень плохим. И тут он не стал мне противоречить.

За несколько дней до Рождества приехал в клинику наш французский друг, епископ, выслушал мое заявление и отслужил обедню. Отец из Павии не приехал, но радовался происшедшему. Ему только жалко было, что из-за внешних обстоятельств нельзя было отслужить литургию по восточному обряду. Он очень настаивал на том, что русские, которые считают себя принадлежащими к Католической Церкви, должны по мере возможности следовать обряду восточному. И очень любил церковнославянский язык и восточную службу.

— Насколько я знаю, Вы освещали работу Второго Ватиканского собора как журналист. Каковы Ваши впечатления о соборе, как все воспринималось тогда? Это была сенсация или это просто нормальная работа, довольно рутинная?

— Нет, это был совершенно неожиданный момент. Иоанн XXIII принял революционное решение. Замечательно, что этот типичный итальянский Папа, родившийся в семье бедных крестьян под Бергамо, больше всех других почувствовал, что такое Восточная Церковь, и что такое единство, и как обязательна связь между восточными и западными Церквями. Объясняют это тем, что он был представителем Ватикана в Болгарии и там особенно полюбил восточную Церковь. Но мне кажется, он обладал внутренним духовным опытом. В некотором смысле он даже больше переживал существенные формы восточной духовности, чем первый славянский Папа — Иоанн Павел II, несмотря на прекрасные размышления о Востоке в его энцикликах.

Тогдашняя римская курия — как все централизованные структуры — пыталась все превратить в обычный бюрократический конгресс. Но с первого же дня начались протесты в среде представителей поместных церквей. Немецкие и французские епископы восстали против плана, заранее подготовленного членами курии, где все было предначертано. Курия выработала также тезисы, предложенные для обсуждения. Но собрание ярко и шумно выразило свое недовольство

и свою волю к автономной работе.

Так что с самого начала Ватиканский собор показал свою силу и свою независимость по отношению к местной власти, которая его принимала. Это было очень существенно, и это почувствовали журналисты, освещавшие Ватиканский собор. Они не были (за некоторым исключением) допущены на дебаты, которые велись только среди епископов. Но поразило обилие постоянной информации, причем не официальной только, которая, как правило, несколько подкрашена и осторожна, но и "национальной", когда епископы французские, английские, немецкие, испанские, выходя из зала заседаний, сообщали журналистам, что происходит. Причем очень откровенно и открыто, даже с некоторой полемичностью по отношению к официальным членам курии. Так что мы были в курсе того, что происходит.

— Но вы не присутствовали в зале заседаний...

— Нет, залы заседаний были закрыты.

— Какое у вас сложилось впечатление: это был результат того, что уже происходило в мире, воплощение уже созревших идей, или все-таки какой-то неожиданный, решительный шаг вперед?

— Неожиданно было само решение Папы созвать собор. Это было мужественно с его стороны. Ведь было известно о "брожении" внутри Католической Церкви, были проблемы политические, социальные и т.д. Так что открыть все окна и двери, созвать всех, споривших между собой, в Рим было храбрым поступком со стороны Иоанна XXIII.

Все епархии мира были представлены. Зрелище на площади Св. Петра было невероятной красоты. Более трех тысяч архиереев в торжественных золотых и серебряных облачениях, в митрах западного и восточного образца медленно спускались по широкой мраморной лестнице, ведущей в базилику. Я сравнивал это шествие в своих депешах с медленно текущей золотой или серебристой рекой. Епископы шли молча, являя при приближении лица бесконечно разные, обаятые тем же внутренним вдохновением, — белые, смуглые, желтые, черные; шли епископы из далеких Америк, эфиопы, японцы, европейцы, китайцы, шли армяне и марониты, вся вселенская Церковь молитвенно входила в широко открытые ворота базилики, чтобы поклониться гробу первого Римского епископа.

На Собор прибыли и эксперты-богословы, которые теперь в большом почете, но тогда, особенно во время понтификата Пия XII, который был очень консервативен, к ним мало прислушивались. Это Ив Конгар, де Любак, фон Бальтазар и др. Они оказались ядром всего Собора, центром всех богословских дискуссий, а до этого их лишали кафедр, ссылали в отдаленные монастыри и приходы.

— Каков взгляд человека русского по происхождению, интеллигента, верующего — взгляд из Рима на Россию и на русскую Церковь? Я имею в виду ваш личный взгляд на судьбу Церкви в России в перспективе единства — в той перспективе, которую строил ваш отец и которую вы поддерживаете.

— Я воспитан с детства в вере в Россию и всю жизнь храню эту веру. Но национальная сущность России неотделима от ее сущности христианской. И в этой верности ее христианской сущности ее постоянное испытание. Об этом размышлял еще в 1904 году Вяч. Иванов, когда он обращался к России, которая стоит "...немея,

У перепутья креста,

Ни Зверя скиптр нести не смея,

Ни иго легкое Христа".

(Эта духовная неотделимость, конечно, не имеет ничего общего с периодическим примирением Церкви и государства.)

Мой маленький опыт показывает мне, что есть верующие — песчинки в безграничных песках! — которые не сторонятся Западной Церкви. Я знаю людей, которых и в голову не приходит переходить из православия в католичество, но которые набожно идут в католическую церковь, когда нет православной церкви или она очень далеко. Они даже причащаются у католиков. Такое движение бывает и со стороны Запада к восточной Церкви.

Стало быть, существует — в меньшинстве, которое может стать солью земли, — потребность сближения, чувство единства людей, совершенно неискушенных и не богословствующих, а просто нормальных живущих и верующих. Я думаю, что недостаточно, да и неканонично довольст-

воваться просто тем, чтобы молиться и тут и там: "Как хорошо в базилике святого Петра и как хорошо в православной Церкви на Via Palestro". Однако если это и происходит, мне кажется, тут нет нужды в каких-то официальных санкциях. Это нужно констатировать, я думаю, с радостью, если это не просто сентиментальный индифферентизм.

— Или религиозное легкомыслие.

— Да, когда это не религиозное легкомыслие. Это тем более важно и существенно, так как со стороны официальных представителей все-таки есть какая-то боязнь начать серьезный диалог с представителями западной Церкви. Правда, мы видим встречи, и объятия, и совместные молитвы, но всегда остается какое-то "но", всегда есть какое-то недоверие. Я думаю, что это вопрос поколения. Может быть, придет другое поколение, которое отойдет от старых распри, от всяческих политических причин, мешающих свободному разговору. Может быть, слишком рано сейчас говорить на уровне ответственных иерархов. А богословы го-

товят пути, приближаются к решению таких сложных проблем, как "филиокве" и др.

— Вы много лет посвящали собранию и изданию трудов Вячеслава Иванова.

— Собрание сочинений выходит в русском издательстве в Брюсселе (*Foyer Oriental Chretien*). Главные стихотворные произведения, повесть о Светомире Царевиче, основные статьи уже опубликованы в четырех первых томах, так же как и обширное биографическое введение О. Дешарт. Готовится пятый том, а потом и шестой, последний.

В России вышли сборники в сериях малой и большой Библиотеки поэта, стихотворные переводы Эсхила. Выходят и другие издания — часто помимо меня. Крупные ученые и молодые исследователи много и плодотворно занимаются произведениями моего отца. Их труды не ускользают от внимательного взора проф. Памелы Дэвидсон, автора толстой библиографии Вяч. Иванова. В московском и петербургском архивах Вяч. Ива-

нова еще много неисследованных материалов. Над римским архивом активно работает мой друг Андрей Борисович Шишкин.

Изучению наследия Вячеслава Иванова способствует традиция симпозиумов, которая начала складываться с 1981 года. В 1981 году профессор Джексон, который преподает в Йеле (США), решил созвать конференцию по творчеству Вячеслава Иванова. Приехали люди из разных стран, мы с сестрой в ней участвовали. И в конце этой пятнадцатидневной конференции было решено основать международное общество, которое назвали латинским словом "конвивиум", что значит "беседа", "собрание". Конвивиум каждые три года организует в одном из крупных университетов международные конференции, посвященные Вяч. Иванову и его времени. Такие собрания проходили в Йеле (1981), в Риме (1983), Павии (1986), Гейдельберге (1989), Женеве (1992), Будапеште (1995). Так что с этой точки зрения жизнь идет дальше и дело продолжается.